

У меня такое чувство, что в душе каждого человека
есть нечто такое, о чем никто не догадывается.

Тень сомнения. Фильм Альфреда Хичкока 1943 года

**Воскресенье,
24 октября**

ГЛАВА 1

Ее муж почти на пороге дома. На этот раз он поймает ее.

На окнах дома номер двести двенадцать ни намек на шторы или жалюзи. Это ржаво-красный особняк, в котором до недавнего времени жили новобрачные Мотты, пока не развелись. Я не была знакома с ними, но время от времени заглядываю в Интернет: его резюме есть в «Линкедине», ее страничка — в «Фейсбуке». На сайте «Мейсиса» до сих пор висит их свадебный список товаров. Я все еще могу воспользоваться предложением и купить для них столовые приборы.

Как я сказала, на окнах никаких тряпок. Так что красный дом под номером двести двенадцать безучастно таращится на улицу, а я таращусь на него, наблюдая, как хозяйка ведет подрядчика в гостевую спальню. Что не так с этим домом? Это место, где умирает любовь.

Хозяйка прелестна — натуральные рыжие волосы, зеленые глаза и россыпь крошечных родинок на спине. Гораздо симпатичнее своего мужа, доктора Джона Миллера, психотерапевта — да, он консультирует женатые пары, — и одного из 436 000 Джонов Миллеров в Сети. Конкретно этот индивидуум работает у Грэмерси-парка и не признает страхование. Согласно договору о продаже, он заплатил за этот дом три миллиона шестьсот

тысяч долларов. Должно быть, бизнес у него продвигается неплохо.

О жене я знаю не так уж мало. Явно не из домовитых хозяек — Миллеры въехали два месяца тому назад, а эти окна все еще без штор, ай-ай-ай. Три раза в неделю она посещает занятия по йоге — вижу, как она спускается по лестнице, в обтягивающих легинсах, со свернутым волшебным ковриком под мышкой. И наверное, где-то работает волонтером — по понедельникам и пятницам уходит из дому чуть позже одиннадцати, примерно в то время, что я встаю, и возвращается между пятью и половиной шестого, когда я собираюсь смотреть вечерний фильм. Кстати, на этот вечер я в очередной раз выбрала «Человека, который слишком много знал». Надо признать, я из тех женщин, кто жить не может без кино.

Я заметила, она любит выпить вечером. Я тоже люблю. А любит ли она выпить утром? Как я.

Но возраст ее для меня загадка, хотя она определенно моложе и доктора Миллера, и меня. Да и пошустрее. Об имени тоже могу лишь гадать. Для меня она Рита, потому что похожа на Риту Хейворт в «Джилльде». «Меня это нисколько не интересует» — мне нравится эта фраза.

Меня же это очень интересует. Не ее тело — позвонки, выступающие на бледной спине; лопатки, напоминающие зачатки крыльев; стягивающий груди бюстгальтер младенчески-голубого цвета. Как только что-то из этого попадает в мой объектив, я сразу сдвигаю его в сторону. Нет, в фокусе моего внимания — ее жизнь. Тем более что у нее на две жизни больше, чем у меня.

Полдень. Ее муж появился из-за угла за секунду до того, как его жена притащила в дом подрядчика и захлопнула дверь. Вообще-то, это отклонение от обычного распорядка — по воскресеньям доктор Миллер обязательно возвращается домой в четверть четвертого.

Так или иначе, в настоящий момент славный доктор вышагивает по тротуару. Каждый выдох превращается в облачко пара, покачивается зажатый в руке кейс, мерцает обручальное кольцо. Я навожу объектив на его ноги: начищенные до блеска темно-красные «оксфорды» притягивают к себе осеннее солнце, с каждым шагом будто пиная его.

Поднимаю камеру выше. От моего «Никона Д5500», в особенности с объективом «Оптека», ничто не укроется: растрепанные сальные волосы, очки в тонкой дешевой оправе, островки щетины на впалых щеках. О ботинках доктор заботится лучше, чем о лице.

Возвращаюсь к номеру двести двенадцать, где Рита с подрядчиком торопливо раздеваются. Я могла бы заглянуть в телефонный справочник, позвонить и предупредить ее. Не буду. Наблюдать — все равно что фотографировать природу: нельзя вмешиваться в жизнь ее диких обитателей.

Доктор Миллер, наверное, через полминуты будет у двери. Губы его жены ласкают шею подрядчика. Она скидывает блузку.

Еще четыре шага. Пять, шесть, семь. Остается самое большее двадцать секунд.

Улыбаясь ему, она хватает зубами галстук. Тербит его рубашку. Подрядчик покусывает ее за ухо.

Ее муж перепрыгивает через битую тротуарную плитку. Пятнадцать секунд.

Я почти слышу, как галстук соскальзывает с воротника. Она швыряет свою добычу через комнату.

Десять секунд. Я снова беру крупный план, вывернув объектив почти до упора. Рука доктора ныряет в карман и вытаскивает связку ключей. Семь секунд.

Она распускает свой «конский хвост», волосы рассыпаются по плечам.

Три секунды. Он поднимается по ступеням.

Обнимая подрядчика, она страстно целует его.

Муж вставляет ключ в замок. Поворачивает.

Я приближаю ее лицо, широко раскрытые глаза. Она услышала.

Щелкаю затвором.

А потом вдруг кейс с шумом расстегивается.

Из него выпадает пачка бумаг и разлетается по ветру. Я рывком снова перевожу камеру на доктора Миллера. По его губам отчетливо читается: «Черт подери!» Он ставит кейс на ступени крыльца, придавливает несколько листов этими своими сияющими ботинками и сгребает другие бумаги в охапку. Оторвавшийся клочок застрял в ветках дерева. Доктор не замечает этого.

Рита поспешно накидывает блузку, на ходу собирает волосы в хвост и выбегает из комнаты. Растерянный подрядчик спрыгивает с кровати и запихивает свой галстук в карман.

Я шумно перевожу дух — словно из воздушного шарика выпустили воздух. Я и не догадывалась, что затаила дыхание.

Открывается входная дверь. Рита устремляется вниз по ступенькам, окликая мужа. Он поворачивается. Наверное, улыбается — отсюда не видно. Она наклоняется, подбирает с тротуара бумаги.

В дверях появляется подрядчик, одна его рука засунута в карман, другая поднята для приветствия. Доктор Миллер машет ему в ответ. Он берет кейс, поднимается на крыльцо, и мужчины обмениваются рукопожатием. Они входят в дом, за ними Рита.

Что ж. Может быть, шоу состоится в следующий раз.

**Понедельник,
25 октября**

ГЛАВА 2

Только что мимо протарахтел автомобиль — медленно и торжественно, будто катафалк. Вспыхивают в темноте задние габаритные огни.

- Новые соседи, — сообщаю я дочери.
- Из какого дома?
- Через сквер. Из двести седьмого.

Едва различимые в сумраке, как привидения, новоселы извлекают коробки из багажника.

Дочь чавкает.

- Что ты ешь? — спрашиваю я.

Конечно, это вечер китайской еды, она ест ло-мейн.

- Ло-мейн.

— Пожалуйста, только не в то время, когда разговариваешь с мамочкой.

Она вновь чавкает, причмокивая:

- Ма-ам.

Между нами идет борьба, — к моему неудовольствию, она укоротила «мамочку» до какого-то невыразительного мычания. «Да пускай», — советует Эд. Однако он-то по-прежнему «папочка».

— Тебе надо пойти познакомиться с ними, — предлагает Оливия.

— Я бы с радостью, тыковка. — Я поднимаюсь на второй этаж, оттуда вид лучше. — О-о, здесь тыквы повсюду. У всех соседей по одной, а у Греев аж четыре. — Выхожу на площадку, с бокалом вина в руке. — Хотелось бы мне выбрать для тебя тыкву. Попроси папу, чтобы купил тебе одну. — Я прихлебываю вино. — Скажи, чтобы купил две: одну тебе, другую мне.

— Ладно.

Я мельком вижу свое отражение в темном зеркале ванной.

— Ты счастлива, милая?

— Да.

— Тебе не одиноко?

У нее никогда не было в Нью-Йорке настоящих друзей: она слишком застенчива.

— Не-а.

Я всматриваюсь в мрак над лестницей. Днем солнце проникает через куполообразный световой фонарь над головой. Ночью это широко открытый глаз, заглядывающий вглубь лестничного проема.

— Скучаешь по Панчу?

— Нет.

С котом она тоже не поладила. Однажды наутро после Рождества он двумя быстрыми ударами крест-накрест расцарапал ей запястье. На коже проступила ярко-красная сетка, и Эд едва не вышвырнул кота в окно. Сейчас я как раз его ищу, и вот он — свернулся на диване в библиотеке и наблюдает за мной.

— Дай поговорить с папой, ягодка.

Я одолеваю следующий пролет, ощущая ступнями грубую ковровую дорожку. Ротанг. О чем мы только думали? Он так легко пачкается.

— Привет, бездельница, — приветствует меня Эд. — У тебя новые соседи?

— Да.

— А вроде недавно кто-то въехал по соседству, нет?

— Да, два месяца тому назад. В дом двести двенадцать. Миллеры.

Повернувшись, я начинаю спускаться по лестнице.

— А эти, новенькие, где живут?

— В двести седьмом. По ту сторону сквера.

— Округа меняется.

Вот и площадка. Поворачиваю.

— Они не много с собой привезли. На легковушке приехали.

— Наверное, скоро придет машина с мебелью.

— Думаю, да.

Молчание. Делаю глоток вина. Я опять в гостиной, у камина. В углах притаились тени.

— Послушай... — начинает Эд.

— У них есть сын.

— Что?

— Сын, — повторяю я, прижимаясь лбом к холодному оконному стеклу. В этом районе Гарлема еще не появились натриевые лампы, и улицу освещает лишь лимонная долька луны, но я все же различаю силуэты мужчины, женщины и высокого мальчика. Он таскает коробки к входной двери. — Подросток, — добавляю я.

— Полегче, тигрица.

Мне никак не остановиться.

— Жаль, тебя здесь нет.

Я сама захвачена врасплох. Судя по реакции, Эд тоже. Наступает пауза.

— Понимаю, тебе нужно время, — наконец произносит он.

Я молчу.

— Врачи говорят, чересчур много контактов не полезно для здоровья.

— Я тот врач, который это сказал.

— Ты одна из них.

За спиной слышится треск — в камине вспыхнула искра. С шумом разгорается пламя.

— Почему бы тебе не пригласить этих новых соседей? — спрашивает он.

Я допиваю бокал.

— Думаю, на сегодня хватит.

— Анна...

— Эд...

Кажется, я ощущаю его дыхание.

— Жаль, мы сейчас не с тобой.

Слышу удары своего сердца.

— Мне тоже жаль.

Панч спустился за мной следом. Я беру его на руки, иду в кухню. Ставлю телефон на столешницу. Еще один бокал перед сном.

Взяв бутылку за горлышко, я поворачиваюсь к окну, к трем привидениям, маячащим на тротуаре, и приветственно поднимаю бокал.

**Вторник,
26 октября**

ГЛАВА 3

Год назад мы планировали продать этот дом, даже наняли брокера. Оливия в сентябре следующего года должна была пойти в мидтаунскую школу, и Эд нашел непыльную работу в Ленокс-Хилле.

— На новом месте будет здорово, — обещал он. — Для тебя персонально я установлю биде.

Я похлопала его по плечу.

— Что такое биде? — спросила Оливия.

Но потом он ушел, и она вместе с ним... У меня опять сердце кровью обливалось, когда я вчера вспомнила первые слова так и не пригодившегося объявления: «ГАРЛЕМСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА, ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ XIX ВЕКА ПОСЛЕ БЕРЕЖНОЙ РЕСТАВРАЦИИ! ЧУДЕСНЫЙ ДОМ ДЛЯ СЕМЬИ!» Полагаю, насчет «достопримечательности» и «жемчужины» можно еще поспорить. «Гарлемская» — без вопросов, как и XIX век — 1884 год постройки. «Бережная реставрация» — да, могу подтвердить, — и к тому же дорогая. «Чудесный дом для семьи» — тоже правда.

Итак, мое владение и его форпосты.

Цокольный этаж. Или, как говорит наш брокер, мезонет¹. Апартаменты занимают всю площадь этажа, есть

¹ *Мезонет* (от фр. *maisonette* — маленький дом) — дом с квартирами, помещения которых расположены в двух или трех уровнях.

отдельный вход, кухня. Ванная, спальня, небольшой кабинет. Рабочее пространство Эда на протяжении восьми лет. Он, бывало, завалит весь стол светокопиями, прибьет к стене сводки подрядчика... В настоящее время цокольный этаж сдается в аренду.

Сад. В патио можно пройти через первый этаж. Плитка из известняка, пара старых садовых кресел, молодой ясень, печально склонившийся в дальнем углу, как одинокий долговязый подросток. Часто мне хочется обнять его.

Первый этаж. Цокольный этаж у британцев — это premier étage у французов. Я не принадлежу ни к тем ни к другим, разве что стажировалась в Оксфорде — причем жила в цокольном этаже, — а в июле этого года начала изучать французский онлайн. Кухня со свободной планировкой, задняя дверь выходит в сад, а боковая — в сквер. Полы из белой березы, теперь они заляпаны пятнами от мерло. Из коридора попадаешь в туалетную комнату — я называю ее красной комнатой. «Цвет спелого томата», согласно каталогу «Бенджамин Мур». Гостиная с диваном и кофейным столиком. На полу персидский ковер, мягкий, как плюш, хотя далеко не новый.

Второй этаж. Библиотека Эда — полки плотно заставлены книгами с желто-коричневыми пятнами на обложках и потрескавшимися корешками. И мой кабинет — просторный, на столе от «ИКЕА» — «макинтош», поле для шахматных сражений онлайн. Ванная комната с сидячей ванной, выложенная голубой плиткой «Божественный восторг», что несколько двусмысленно для помещения с унитазом. Удобный глубокий стеновой шкаф, который однажды я смогу преобразовать в темную комнату, если захочу перейти от цифры к пленке. Хотя, кажется, я теряю к этому интерес.

Третий этаж. Спальня хозяйина (хозяйки?) и ванная. В этом году я много времени провела в постели. У меня

программируемый матрас с двойной регулировкой. Эд запрограммировал свою сторону на мягкость пуховой перины, моя же сторона жесткая.

— Ты спишь на кирпичах, — сказал он однажды, барабанив пальцами по простыне.

— А ты — на облаке, — ответила я.

Потом он поцеловал меня — долгим, неспешным поцелуем.

После ухода Эда и Оливии, на протяжении всех этих пустых, унылых месяцев, с трудом отрываясь от простыни, я, как набегающая волна, перекатывалась с одного края кровати на другой, наматывая на себя, а затем разматывая одеяло.

Есть еще смежная гостевая спальня.

Четвертый этаж. Когда-то здесь было помещение для прислуги, а теперь спальня Оливии и вторая гостевая. Иногда по вечерам я, словно привидение, брожу по ее комнате. Порой стою в дверях, наблюдая, как в солнечном свете медленно кружатся пылинки. В иные недели я совсем не навещаю четвертый этаж, и он начинает стираться из памяти, как ощущение от дождя на коже.

Как бы то ни было, завтра я снова поговорю с мужем и дочерью...

Тем временем люди на той стороне сквера исчезли.

**Среда,
27 октября**

ГЛАВА 4

Из входной двери дома двести семь, как конь из стартовых ворот, вырывается стройный подросток и галопом мчится по улице на восток, мимо моих фасадных окон. Мне не удастся хорошо его рассмотреть — я проснулась рано, а накануне допоздна смотрела «Из прошлого» и теперь пытаюсь понять, поможет ли мне глоток мерло, — однако успеваю заметить промелькнувшие светлые волосы и висящий на одном плече рюкзак. Мальчик убегает.

Я медленно беру бокал, плыву вверх и устраиваюсь за письменным столом. Достāju «Никон».

В кухне дома двести семь я вижу отца, крупного и широкоплечего, освещенного телеэкраном. Я подношу камеру к глазам и приближаю изображение: идет передача «Сегодня». Можно спуститься, включить телевизор, размышляю я, и смотреть передачу параллельно с соседом. Или поглядывать на его экран прямо отсюда, через объектив.

Я останавливаюсь на втором варианте.

Через некоторое время навожу объектив на фасад, а «Гугл» показывает мне вид на улицу — дом из побеленного камня, построенный со слабым намеком на боз-

ар¹ и увенчанный вдовьей площадкой. Отсюда я могу, разумеется, видеть лишь боковую часть здания — через восточные окна хорошо просматриваются кухня, гостиная на втором этаже и спальня над ней.

Вчера прибыла мебель с бригадой грузчиков, которые перетащили в дом диваны, телевизоры и старинный платяной шкаф. Разгрузкой и переноской руководил муж. Жену я не видела с вечера их приезда. Интересно, как она выглядит.

Вечером меня отрывает от компьютера звонок в домофон, помешав поставить мат программе «Рук-энд-ролл». Не спеша спускаюсь, хлопаю ладонью по сирене, отпираю дверь в прихожей и вижу, что за порогом бесцеремонно маячит мой съемщик. До чего хорош — мужественная челюсть, глаза как площадки, темные и глубокие. Ну просто Грегори Пек. Между прочим, не я одна так считаю. Как я заметила, Дэвид любит поразвлечься со случайными дамочками. По сути дела, слышала.

— Вечером отправляюсь в Бруклин, — сообщает он.

Я провожу рукой по волосам.

— Хорошо.

— Не нужна ли вам какая-нибудь помощь, пока я не уехал?

Это звучит как предложение, как фраза из фильма-нуар. «Просто сожми губы и дуй»².

— Спасибо. Все хорошо.

Он, прищурившись, смотрит мимо меня.

— Может, поменять лампочки? Здесь темно.

— Мне нравится полумрак, — говорю я. Хочется добавить: «Черный, как мой парень».

¹ *Боз-ар* (от *фр.* beaux-arts — изящные искусства) — эклектичный стиль архитектуры, поддерживающий традиции итальянского ренессанса и французского барокко.

² Двусмысленная фраза, произнесенная героиней фильма «Иметь и не иметь» режиссера Говарда Хоукса (1944).

Это что, шутка из фильма «Аэроплан!»? «Хорошо...» Повеселиться? Провести время? Потрахатьсья?.. «...провести время».

Он поворачивается, собираясь уйти.

— Знаете, можете входить через дверь цокольного этажа, — стараясь говорить игриво, сообщаю я. — Есть шанс, что я буду дома.

Надеюсь, Дэвид улыбнется. Он живет здесь уже два месяца, и я ни разу не видела его улыбки.

Кивнув, он уходит.

Я закрываю дверь.

Я изучаю себя в зеркале. Сеточка морщин вокруг глаз. Падающие на плечи темные пряди, кое-где пробивается седина. Отросшие волосы под мышками. Отвислый живот. Неаппетитные ямки на бедрах. Кожа бледная, почти как у покойника; выступающие синие вены на ногах и руках.

Морщины, ямки, лохмы... Следует поработать над собой. Если верить некоторым знакомым, а также Эду, когда-то я была такой... по-домашнему уютной. И потому привлекательной. «Ты казалась мне соседской девчонкой», — грустно сказал Эд незадолго до нашей разлуки.

Я опускаю взгляд на пальцы ног, подрагивающие на плитках пола, — длинные и красивые. Это одно — или десять — из моих достоинств. Увы, в данный момент они напоминают когти хищника. Порывшись в аптечке, забитой поставленными друг на друга флаконами — совсем как тотемные столбы, — я извлекаю кусачки для ногтей. По крайней мере, эту проблему я в состоянии решить.

Четверг,
28 октября

ГЛАВА 5

Вчера был заключен договор купли-продажи. Мои новые соседи — Алистер и Джейн Рассел. Они заплатили за свое скромное жилище три миллиона четыреста пятьдесят тысяч долларов. «Гугл» поведал мне, что муж — партнер в не крупной консалтинговой компании, ранее размещавшейся в Бостоне. Жену вычислить не удалось — попробуйте запустить в поисковую систему «Джейн Рассел».

Веселенький квартал они выбрали.

Дом Миллеров через улицу — «оставь надежду, всяк сюда входящий» — один из пяти особняков, видных мне из южных окон. С восточной стороны стоят два совершенно одинаковых дома, названных нами «Сестры Грей»: те же сандрики над окнами, те же входные двери бутылочно-зеленого цвета. В том, что справа, живут Генри и Лиза Вассерман, аборигены. «Мы тут больше сорока лет», — похвалялась миссис Вассерман. Она заглянула после нашего переезда, чтобы сказать нам «прямо в лицо», как она «и мой Генри» возмущены появлением «еще одного клана яппи» во «вполне приличном квартале».

Эд разозлился. А Оливия назвала своего игрушечного кролика Яппи.

С тех пор Водяные, как мы их окрестили, не разговаривают со мной, хотя теперь я сама себе клан. Похоже, они не проявляют дружеских чувств и к обитателям другой «Сестры Грей» — семейству Грей, по чистому совпадению. Две девочки-подростка, близняшки; отец — служащий специализированной брокерской фирмы «Эм-энд-Эй»; мать — увлеченная хозяйка клуба книголюбов. Как написано на ее страничке митапов¹, в этом месяце она выбрала книгу «Джуд Незаметный», которую сейчас обсуждают в ее гостиной восемь женщин среднего возраста.

Роман я читала и вообразила себя одной из этих любительниц литературы. Пробую кофейный торт, пью вино. Первое, впрочем, вряд ли, а второе вполне вероятно. «Что вы думаете о Джуде, Анна?» — спросила бы меня Кристина Грей, и я ответила бы, что нахожу его весьма незаметным. Мы посмеялись бы. По сути дела, они и сейчас смеются. Я пытаюсь веселиться за компанию, попивая вино.

На запад от Миллеров живут Такеда. Муж японец, жена белая, сын у них неземной красоты. Он виолончелист. Когда тепло, он репетирует в гостиной с открытыми окнами. Заслышав музыку, Эд, в свою очередь, тоже поднимал рамы. Давным-давно, июньским вечером, мы с Эдом танцевали под звуки баховской сюиты. Мальчик через улицу играл, а мы в кухне покачивались в такт; я положила голову Эду на плечо, он сплел пальцы у меня за спиной.

Нынешним летом музыка порхала у моего дома, приближалась к гостиной, робко стучала в стекло: «Впусти меня». Я не могла — никогда не открываю окна, никогда! — и все же слышала тихие мольбы: «Впусти меня. Впусти!»

¹ *Mutan* (от *англ.* meetup) — неформальная встреча по интересам.